

Красная звезда. - 1928 - 17 апр. - с. 3.

ПОРУЧИК БУЛГАКОВ

Жизнь и судьбы

его герой Турбин), Михаил Булгаков добровольно вступает в Российское общество Красного Креста, попадает в военный госпиталь, надевает погоны.

Военные врачи и военные журналисты имели на фронте особый статус, например, не могли считаться военнопленными. Но аттестовывались, ходили в форме, имели право на ношение оружия. А главное, имели полное право быть убитыми или ранеными.

Булгаков не успел еще и диплома получить (перешел только осенью), а госпиталь его уже работал в полосе боев Юго-Западного фронта.

Шло знаменитое наступление русских — «Брусилловский прорыв», и раненых свозили в ближайšie лечебницы: Каменец-Подольский, а потом и в освобожденные Черновцы.

Но недолго пришлось побыть Булгакову врачом императорской армии: Февральская революция застает его откомандированным с фронта (но находящимся на действительной службе, получающим именно военное жалование) в маленькой сельской больнице Смоленской губернии. Опытных врачей стало не хватать на передовой, и

их места в земствах заняли молодые военные врачи резерва.

Это уже была другая армия — Временного правительства. Булгаков пробыл в ней до октября 1917-го. Октябрьский переворот еще не испугал молодого эскулапа, а новая власть была заинтересована в таких специалистах, пока не допытывалась настойчиво: «А что вы делаете?»

Булгаков продолжает служить, теперь уже в третьей своей армии — Красной гвардии.

На всех видах довольствия будущий писатель состоял аж до 19 февраля 1918-го. И хоть 31 декабря 1917-го приехал в Москву в родной военный округ на врачебный осмотр, комиссован же был полтора месяца спустя.

С самого начала февраля в Киеве большевики двенадцатого сюда из Харькова переезжают Украинское советское правительство. А вскоре (с московскими справками) появляется в любимом городе и хлебнувший тяжелых испытаний Михаил Афанасьевич. Вот он, родной дом, дорогие люди. Кажется, близок отдых и душевный покой, о котором мечталось три грозных года. И...

«И вышло совершенно наоборот... Пока что можно сказать одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов... Некоторые из теплушечных мемуаристов насчи-

тали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причём 10 из них я лично пережил».

Тут, правда, у лирического героя очерка «Киев-город» немного хромает арифметика. На самом деле смен властей было семнадцать. Десять не десять, но семь из них пережил и сам Булгаков, а под угрозой восьмого переворота был мобилизован, ушел из города. Однако это была Пятая армия, денкинская. А до того... Десятого декабря восемнадцатого года город заняли войска Директории Украинской народной республики, проще говоря, петлюровцы.

«С получением сего, предлагается вам в двухчасовой срок явиться в санитарное управление для получения назначения...»

Так началась история доктора Яшвина из рассказа «Я убил» о призыве под знамена Петлюры.

Четвертая служба была и самой короткой; но вот Мать городов русских заняли белые. Генерал-майор Драгомилов издал свой приказ о призыве на воинскую службу «для пополнения действующих частей». Вместе со старшим братом пошли на фронт и Булгаковы-младшие: им уже никогда не суждено будет встретиться...

...Тиф, уход белых частей, окончательный крест на врачебной карьере — так встречал весну двадцатого года Булгаков во Владикавказе. Но зато тут он открыл в себе драматурга, здесь начинается его журналистская и писательская судьба. А «исколотая память» все бу-

дет возвращаться к походам, канонаде, столам раненым: уже свою мирную творческую профессию позже назовет в письме «фронтом драматического театра».

Булгакову исполнилось тридцать лет, когда он переехал в Москву в сентябре 1921-го. Нужно было устраиваться на работу, жить, кормить свою маленькую семью. С помощью свояка удалось поступить на службу в Научно-технический комитет при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского...

Уже изрядно в своей жизни навоевавшись, Булгаков лукаво стал обходить в автобиографиях участие в войнах; с дальней задумкой умудряется императорское высшее образование превратить в среднее (тут, впрочем, все правильно: диплом Оксфорда и сейчас для нас не авторитет).

Странно другое, почему он не сообщает, что уже служил этой власти, — пригодилось бы в трудную минуту. Но, как бы там ни было, Михаил Афанасьевич состоял в призывных списках Красной Армии, шестой своей. В документах имеются отметки о переучете, медицинском освидетельствовании (группа крови по Янскому В-111), профилактических прививках, снятии и постановке на учет, выдаче мобилизационного листка. Род войск все-таки медицинский.

Наш поручик не стремился уже ни в какую армию, но как человек аккуратный, обязательный и по-военному дисциплинированный являлся по повесткам. Без особого,

надо сказать, умиления, тем более что дела писательские шли тогда как-то особенно трудно. Вот отрывок из письма 1931 года:

«Собираюсь вчера уехать в Ленинград... но получил открытку, в коей мне предлагается явиться завтра в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весною, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шагам, испытать чувство тяжелой тоски. О, Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах!»

Булгаков не был завзятым милитаристом, но не исповедовал и голый пацифизм, что легко увидеть в его прозе и драмах: нет ни одного произведения, где бы не присутствовала тема армии, войны.

Отчетливая булгаковская философия — это ненависть к насильственной смерти, неважно под каким гимном она преподносится: «Весь мир насилья мы разрушим...» или «Боже, царя храни...»

Родину Булгаков любил больше классного чина и потерьянных привилегий.

Случилось, что писатель остался дома. Не стал он Демьяном Бедным, но и не ожесточил сердце, как большинство эмигрантов. Его позиция в советской литературе была совершенно особенной, независимой, порой и прямо вызывающей. Тем удивительней прозвучала его статья в номере «Литератур-

ной газеты» от 23 декабря 1936 года:

«Я был поражен известием о потоплении советского торгового теплохода «Комсомол». Но, по моему убеждению, слова возмущения здесь ничего не помогут. И я присоединяю свой голос к тем, которые находят, что необходимо направить в испанские воды эскадру.

Советские военные корабли сумеют и отконвоировать советские торговые суда, и внушить уважение к флагу Союза, а в случае крайности, напомнить, насколько глубоки и опасны воды, в которых плавают поджигатели войны. Писатель М. Булгаков».

Это документ.

Что думал писатель «о той войне незначительной» для наших интернационалистов, да и знал ли он о них тогда вообще? Догадывался ли, что по одну и по другую сторону испанских баррикад были его давнишние сослуживцы, знакомые и земляки? Сейчас мы с коллегами ведем активный поиск таких захоронений наших соотечественников, среди которых немало тех, с кем сталкивался великий писатель еще в Добровольческой армии. Но и это — иная история...

Подлинное жизнеописание, не лубочное, не лицемерное, не захлебывающееся от умиления, сегодня еще только под пером биографа Булгакова. Пусть же он внимательно взглянется в него, разгадает, напишет о том, что известно пока в обрывках, эпизодах, сжатых схемах: боевую судьбу знаменитого Мастера, российского военного врача в серебряных погонах поручика.

Евгений РЫК, профессор.